

АКТУАЛИЗАЦИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru

АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»

В статье уделяется внимание проблеме актуализации, особого выделения слов признаковой семантики в текстах Марины Цветаевой. В работе рассматриваются различные способы актуализации адъективов, которые демонстрируют не только яркую идиолектную черту, но и участвуют в создании ассоциативно-смысловых полей, неизменно обращая на себя внимание нетривиальностью семантики и синтаксического окружения. В поле внимания попадают признаковые слова, несущие особую семантическую нагрузку, поэтому они несколько шире по своему значению и функциям понятия «эпитет». Доказывается, что в текстах Марины Цветаевой прием актуализации является не просто стилистическим средством, но вписывается в идиостиль поэта, в рамках которого работа с адъективной лексикой занимает одно из ведущих мест. Анализ различных конфигураций эпитетных рядов, особых семантически насыщенных, порой окказиональных, адъективных комплексов дает возможность понять логику формирования идиолекта поэта, уникальные черты его языка, что, несомненно, ценно для цветаеведения.

Ключевые слова: стилистика, эпитет, актуализация, Марина Цветаева, идиостиль.

Актуализация как лингвистическое понятие описывает реализующее значение, то значение, которое потенциально заложено, это «приспособление значения к коммуникативно-контекстуальным условиям акта общения» [Хованская 1984: 231]. Безусловно, это реализация сосюрговской дихотомии «язык-речь», поскольку актуализированные значения принадлежат речевому произведению, в рамках контекста здесь и сейчас. Ш. Балли писал: «Функция актуализации заключается в переводе языка в речь..., создании связи виртуальных понятий с соответствующими им в действительности предметами и процессами» [Балли 1955: 93].

Как известно, художественную речь отличает богатство и разнообразие применяемых автором текста стилистических приемов, тропов и фигур речи. Все они направлены на выражение авторской позиции, идеи, отношения к окружающей действительности в широком смысле (людям, вещам, абстракциям). Данные языковые единицы выполняют несколько взаимосвязанных между собой функций, одной из

которых является актуализация того или иного смысла, выделение его на фоне иных как наиболее яркого, семантически наполненного. В этой связи актуализация выступает самым общим понятием по отношению к частным его проявлениям, таким как оценочность, экспрессивность, эмоциональность, стилистическая нагруженность, модальность и т.д.

Выдвижение на передний план того или иного значения, его оттенка происходит различными способами. Может применяться лексическая, семантическая актуализация, в рамках которой происходит выбор нужного значения слова, и он согласуется с ближайшим синтагматическим контекстом. На уровне семемы происходит выбор одного из значений многозначного слова, на уровне семы – изменение семной сочетаемости. На синтаксическом уровне чаще всего актуализация происходит более многообразно, и увидеть ее можно намного легче: это разного рода инверсии, переносы, эллипсисы, умолчания и т.д. С ним связан пунктуационный уровень, где средствами актуализации выступают знаки препинания: тире, двоеточие, многоточие, восклицательный или вопросительный знаки не на конце предложения. Графический уровень актуализации также показателен, он используется для явного выделения необходимых языковых конфигураций посредством жирного шрифта, курсива, использования заглавных букв, смешения латиницы и кириллицы.

Необходимо отметить, что при анализе языковых единиц, их значений, конфигураций и синтаксического расположения обязательным является учет всех уровней языка, поэтому такое разграничение максимально условное; оно удобно для исследователя, в рамках контекста же все уровни существуют в рамках единого текстового пространства и взаимодействуют друг с другом.

Тем не менее, остается недостаточно изученным вопрос об актуализации определенного участка лексико-грамматической системы идиолексикона поэта. Именно поэтому в работе остановимся на возможных средствах актуализации, выделения признаковой лексики (адъективных слов и выражений) как того пласта лексического фонда, который наиболее полно способен отразить многообразие богатства языка.

Признаковые слова (не только прилагательные и наречия, но и некоторые другие глагольные формы, местоимения, формы числительных) неизменно попадают в поле исследовательского внимания по причине семантической глубины, гибкости [Глушкова 2000; Тагиева 1991]. Е.М. Вольф считает, что «любое относительное прилагательное может перейти в качественное, когда в нем актуализируются те или иные качественные семы» [Вольф 1978: 33]. Адъективная, признаковая лексика как никакая другая способна отразить окружающую реальность наиболее полно, указав на основные черты, характерные для объекта. Вместе с тем, потенциал рассматриваемой группы лексики позволяет максимально

широко выразить свое отношение к описываемым объектам, актуализировав необходимые семы.

Сразу следует оговориться, что в поле нашего внимания попадают далеко не только так называемые эпитеты как основной репрезентант трансформировавшегося адъектива, но и любые признаковые слова. В связи с этим эпитет стал давно рассматриваться максимально широко [Померанец 2004; Юдина 2006].

Вышеназванные исследования являются частью когнитивных работ, посвященных признаковой лексике. Эпитет в них понимается как часть *дискурсивного пространства*, в емкой форме отражающей *основные признаки, черты, особенности, характеристики* объектов.

Статья Н.П. Булаховой и А.П. Сквородникова «К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике)» [Булахова, Сквородников 2017] вводит понятие эпитетоида как такого признакового образования, которое намного шире эпитета и не просто подобно ему, а это принципиально любое слово, которое актуализирует свое признаковое значение в контексте.

Е.Ф. Киров предлагает использовать понятие *мегаэпитет* как объединяющее термины «эпитет» и «дискурс» [Киров 2019]. На наш взгляд, данное понятие не совсем снимает проблему когнитивных основ функционирования признаковых слов. В нем отражен, скорее, повторяющийся, сквозной характер определений, объединяющих текстовые фрагменты по тематическому, идейному или образному принципу. Применимость предлагаемого термина обусловлена, вероятно, публицистическим стилем, новостным дискурсом, рекламой, но не художественным текстом.

Таким образом, можно говорить о потенциальном и актуальном значении слова, поэтому некоторые работы, посвященные языку писателей и поэтов, содержат в себе слово «потенциальный». Потенциальное значение – это спектр значений, способных реализоваться в контексте, в таком случае интенция автора и языковая потенция слова встречаются, и происходит их воплощение, подчеркивание определенной стороны значения или частичное его обновление. Наблюдение за результатом актуализованного смысла наталкивает на процесс «раскручивания», анализ механизмов возникновения подобных словоупотреблений, где незаменимым выступает когнитивный анализ языковых единиц. Он дает возможность объяснить не только результат актуализации, но и сам процесс, выявить причину реализации потенциального смысла в контексте.

Особенно это актуально для цветаеведения, поскольку тексты М. Цветаевой пронизаны необычными, контекстуальными словоупотреблениями, креолизованными приемами (необычный синтаксис, интонация, переносы и т.д.). Так, широко известна работа

цветоведа Л.В. Зубовой «Потенциальные свойства языка в поэтической речи М.И. Цветаевой (семантический аспект)», в которой подробно описываются различные приемы семантической актуализации потенциальных значений слов [Зубова 1987]. Данный подход нашел свое продолжение в работах А.И. Гавриловой [Гаврилова 2007], А.А. Козаковой [Козакова 2000]. В рамках цветоведа неоднократно указывалось на актуализацию языковых единиц как на самую общую черту авторских текстов, дающую различные стилистические эффекты: семантическую емкость, особую аффективность [Черных 2003; Широлапова 1997]. При описании всего корпуса адъективной лексики в том или ином ракурсе (стилистическом или когнитивном) нельзя обойтись без элементов привлечения терминологии актуализации контекста, потому что когнитивный подход к анализу идиостиля вбирает в себя лексико-стилистический научный аппарат при описании смещенных определений [Губанов 2016, 2018].

Актуализация адъективной лексики понимается нами как выделение, подчеркивание значимых для автора текста атрибутивных (признаковых) смыслов посредством различных приемов: от лексических до графико-синтаксических. Спектр приемов всегда индивидуален; определяющим типом актуализации следует признать лексико-семантический.

В текстах рассматриваемого нами поэта Марины Цветаевой содержится огромное количество примеров, демонстрирующих актуализацию признаковой лексики в различных контекстуальных окружениях, что позволило нам сделать вывод о том, что практически любое словоупотребление необходимо подвергать тщательному анализу. По выражению самого поэта, поиск именно эпитета, то есть одного (единственно верного, точного) слова составляет все ее поэтическое существование [Цветаева 1994, т. 7]. По этой причине предметом нашего исследования была избрана признаковая лексика (не только эпитет, т.к. эпитет ею понимается широко), в полной мере отражающая поэтические искания поэта и способная выразить разнообразные характеристики.

Объектом анализа в данной статье выступает весь корпус актуализированной адъективной лексики в текстах Марины Цветаевой. Методами исследования выступили описание языковых фактов, семантический анализ, когнитивный анализ, статистические методы.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различных жанров: это стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые записи, письма), драматургия. Всего выявлено более 2685 контекстов с актуализированной признаковой лексикой. Преобладают, безусловно, словоупотребления из стихотворных произведений.

Примеры употребления эпитетов приводятся из собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

Рассмотрим далее типы актуализации адъективной лексики в текстах М. Цветаевой. Отметим, что в статье остановимся на самых ярких примерах, а также тех, которые являются значимыми для идиостилевой системы поэта. Примеры актуализации всегда имеют лексико-синтаксическую природу, поскольку присутствует и трансформация значения адъективного слова в контексте, и его синтаксическое оформление.

1. Обособление адъективной лексики (1373 примера).

Самым распространенным способом актуализации признака в текстах М. Цветаевой является ее выделение синтаксическими и пунктуационными способами: с помощью тире с обеих сторон, реже запятыми как менее экспрессивным знаком, а также скобками, причем в сочетании с другими пунктуационными знаками, как правило, с восклицательным знаком.

1.1. Актуализация признака посредством тире (820 примеров):

Да здравствует пена – веселая пена – / Высокая пена морская! [Цветаева 1994, т. 1: 534]; *Бальмонт: раскрытая ладонь – швыряющая, в Брюсове – скрип ключа* [Цветаева 1994, т. 4: 52]; *Русь – кулашная – калашная – кумашная!* [Цветаева 1994, т. 3: 234]; *Есть времена – железные – для всех* [Цветаева 1994, т. 1: 393] ... *суровая – детская – смертная важность* [Цветаева 1994, т. 2: 42]; *Мой путь не лежит мимо дому – твоего – ничего* [Цветаева 1994, т. 3: 539];

Тире, как было неоднократно отмечено многими исследователями творчества М. Цветаевой, является излюбленным знаком препинания, оно выражает экспрессию от смятения, удивления, волнения до восторга, радости. В приведенных выше примерах можно наблюдать чаще всего двойное тире, окружающее признаковое слово, а потому и интонационно, и семантически выделяющее его в контексте всей фразы. Безусловно, автор делает это с целью выделить данный признак, привлечь внимание к нему. Так, зачастую адъективы паронимически соотносятся друг с другом на основе созвучия или смыслового параллелизма: *веселая – высокая; кулашная – калашная – кумашная*. Чаще это связано с нарастанием признака: *суровая – детская – смертная*, где он доходит до своего предела. Последний пример наиболее показателен, поскольку в качестве эпитета выступают притяжательные местоимения: поэт передает пустоту от расставания с любимым человеком окказиональным смыслом с помощью двух местоимений, уравнивая их смыслы: *твой*, т.е. *ничей*.

1.2. Актуализация признака с помощью запятых (497 примеров):

... *Томный вальс, немецкий и простой*... [Цветаева 1994, т. 1: 162].

Будучи традиционным средством выражения сложного признака, поэт использует конструкции с запятыми в качестве уточнения характеристики объекта.

1.3. Актуализация признака с помощью скобок в сочетании с восклицательным знаком (56 примеров):

Розы хотя бы раз? – Убыли ль? / Выполнив (проблагоухав!) тонете... [Цветаева 1994, т. 1: 171]; *Храни мой костер: / (Пламень востер!)* [Цветаева 1994, т. 2: 166].

Самый необычный способ выделить признак у М. Цветаевой – поместить его в рамки особого, отделенного от основной фразы, словокомплекса, заключенного в скобки. Скобки дают возможность указать на свое отношение к предмету речи, прокомментировать, привнести свое отношение, а восклицательный знак сигнализирует об особой значимости этого комментария, об эмоциональности сделанного уточнения. Во втором примере перед нами не просто признак, а фраза предикативно-атрибутивного типа, дающая возможность полно выразить мысль и чувства автора.

Скобки могут использоваться с целью конкретизации признака, уточнения авторской возможной интерпретации высказывания: *нет стихов без чар (не очарованы, а чарованы)* [Цветаева 1994, т. 7: 557].

Автор словно предсказывает расшифровку своих слов и уточняет ее.

Повтор комментария в скобках становится способом усилить смысл высказывания и уравнивать признаки:

Есть другой день: злой (ибо слеп), действенный (ибо слеп), безответственный (ибо слеп) [Цветаева 1994, т. 5: 239].

Без авторского уточнения редко обходится проза поэта:

Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг – видимое [Цветаева 1994, т. 5: 284].

2. Цепочки признаков слов (440 примеров).

Самым показательным способом, при помощи которого можно акцентировать внимание на том или ином контексте, является его повтор или подбор, перечисление нескольких семантически взаимосвязанных лексических единиц. Несколько признаков слов, идущих друг за другом, являются средством актуализации основного признака, с разных сторон ими характеризуемого, поэтому в их семантическом составе будут общие семы. У М. Цветаевой подбор признаков в цепочке перечислений всегда паронимичен (созвучные и сопряженные по смыслу слова) и окказионален.

Петр был ввергнут в ту мрачно-сверкающую, звездно-лунную, казачье-скачущую шапочно-доносную ночь... [Цветаева 1994, т. 4: 361].
Ангел, настоящий, германский, грустный [Цветаева 1994, т. 3: 415];
Левая – она дерзка, / Льстивая, лукавая [Цветаева 1994, т. 1: 434];
Сугроб теремной, боярский, / Столбовой, дворянский, / Белокаменный,

приютский [Цветаева 1994, т. 2: 110]; *Душа русская, простая, неувертливая!* [Цветаева 1994, т. 3: 715].

В первом примере видим, что в цепочке признаков к субстантиву «ночь» подобраны достаточно семантически далекие эпитеты, но все они объединены динамической семантикой и описывают единую ситуацию.

Именно подбор и сочетание признаков всегда отражает неповторимый идиостиль поэта: признаки и похожи (*льстивая, лукавая; столбовой, дворянский*), и далеки одновременно (*германский, грустный*), но в контексте выступают как единое целое.

3. Парное употребление адъективных слов, соединенных союзом «и» (266 примеров).

Атлантским и сладостным / Дыханьем весны – / Огромною бабочкой / Мой занавес – и – [Цветаева 1994, т. 2: 196].

Часто используется прямой способ актуализации – повтор адъектива:

Древняя тщиета течет по жилам, / Древняя мечта: уехать с милым [Цветаева 1994, т. 2: 232]; *Последние стихи на последних шкурах у последних каминов* [Цветаева 1994, т. 4: 292]; *Высшая степень душевной разъятости и высшая – собранности. Высшая – страдательности и высшая – действительности* [Цветаева 1994, т. 5: 348]; ... *у нее твердый кров, твердый хлеб, твердый угол, а у меня все это – в воздухе* [Цветаева 1994, т. 6: 691]; *Привычные к степям – глаза, / Привычные к слезам – глаза* [Цветаева 1994, т. 1: 427].

Повтор признака может сопровождаться сравнительным оборотом с целью его конкретизации:

Терпеливо, как щебень бьют, / Терпеливо, как смерти ждут, / Терпеливо, как вести зреют, / Терпеливо, как месть лелеют / Буду ждать тебя [Цветаева 1994, т. 2: 180].

4. Дистантное положение адъектива (отрыв от определяемого) (253 примера).

При синтаксическом отрыве определения от определяемого слова первое выделяется интонационно, на него падает логическое ударение. Анжамбеман, так часто используемый М. Цветаевой, выполняет несколько функций: ритмическая организация стиха и актуализация той лексической единицы, которая является разорванной с определяемым словом, как в следующих примерах:

Первое письмо тебе с вчерашней, / На которой без тебя изноюсь, / Родины, теперь уже с одной из / Звезд... [Цветаева 1994, т. 3: 132]; *Обмелевающее бессмертье – / Жизнь; Жизнь? Недохват воды / Надокеевской* [Цветаева 1994, т. 3: 112].

Если во втором случае перед нами простой перенос-разрыв определяемого слова и эпитета, то в первом дистанция между ними довольно большая: их отделяет предикативная конструкция, уточняющая ситуацию.

5. Аппозитивное употребление адъективной лексики в виде единого словоблока с повторяющимся компонентом (определителем или определением) (220 примеров).

Руки: свет и соль, / Губы: смоль и кровь [Цветаева 1994, т. 2: 118];
Простор-человек, Ниотколь-человек, Сквозь-пол-человек, Прошел-человек. [Цветаева 1994, т. 2: 103].

Признак в форме приложения-существительного оформляется М. Цветаевой или посредством двоеточия как расшифровка определяемого понятия, причем они вновь паронимически сближены (см. первый пример), или же, что намного чаще, в виде блочного словокомплекса, оформленного через несколько дефисов (см. второй пример). В последнем случае определяемое повторяется при каждом определителе, акцентируя на нем внимание. Подробнее о блочном эпитетном комплексе говорится в наших работах [Губанов 2016, 2018].

6. Выделение адъективной лексики графически, курсивом (85 примеров).

Сравнительно нечасто, в основном в прозаических текстах, М. Цветаева иногда выделяет курсивом те признаковые слова, которые важны для нее именно в данном контексте и на которые она обращает внимание читателя: *Верней, - брак сам не переносит любовной* (выделено курсивом) *любви, она его разрушает, разрушит* [Цветаева 1994, т. 6: 539].

В данном случае речь идет о любви-страсти, поэтому автор употребляет тавтологический эпитет, но для актуализации этого смысла использует курсивное написание.

7. Окказиональные адъективы, призванные обратить внимание на недостаточные ресурсы языка для выражения авторской мысли, чувства (48 примеров).

Окказиональных форм в творчестве М. Цветаевой достаточно много, она экспериментирует над языком, ей не хватает имеющихся слов для полного самовыражения. Не ставя задачи полно представить весь корпус окказиональных эпитетов, укажем на несколько наиболее интересных:

– *дрожко* – дрожа:

*Последняя взбегка / По лестнице **дрожкой*** [Цветаева 1994, т. 3: 124];

– *заспинный* – пройденный:

*Глазная атака в тыл. / Но, оставив разряд **заспинный**, *
Потолок достоверно – был [Цветаева 1994, т. 3: 115];

– *многолюбивый* – любивший многое (отметим однокорневой повтор, подготавливающий данный эпитет, в следующем примере):

*Сластолюбивый роняю пояс, / **Многолюбивый** роняю мирт* [Цветаева 1994, т. 2: 62];

– *онедуженный* – наделенный недугом:

*Не **онедужен** / Русскою кровью...* [Цветаева 1994, т. 2: 288];

– *проблагоухав* – пронесшись ароматом:

Розы хотя бы раз? – Убыли ль? / Выполнив (проблагоухав!) тонете... [Цветаева 1994, т. 2: 171].

Отметим уникальность окказиональных эпитетов, которые своим наличием обращают внимание на выражаемый ими признак и наталкивают на мысль о внимательном прочтении контекста и его интерпретации.

Все многообразие примеров выдвижения признака говорит о неизменном интересе поэта к нетривиальной работе с адъективной лексикой. Это прослеживается на протяжении всего его творчества от ранних стихов, в которых эпитеты были, безусловно, во многом традиционными, до зрелых поэм и прозы. Чем более позднее перед нами творчество М. Цветаевой, тем сложнее ее тексты и чаще применяются неординарные способы актуализации разных типов лексики. Ведущими средствами актуализации признака необходимо признать тире в качестве пунктуационного знака, а также употребление нескольких (повторяющихся или цепочечных) признаковых слов. Они позволяют передать ситуативное значение, а также все основные компоненты описываемой сложной ситуации, что способствует компрессии текста, его повышенной смысловой нагруженности, экспрессивности.

Рассмотренные выше типы актуализации адъективной лексики в текстах М. Цветаевой позволяют сделать следующие выводы. Для идиостиля М. Цветаевой и ее идиолекта характерной особенностью является выдвижение окказионального смысла на передний план, без подтекста, при этом, безусловно, автор рассчитывает на фоновые знания образованного читателя. В ходе актуализации того или иного смысла задействуются все средства языка от лексики до синтаксиса и графики, зачастую тесно взаимодействуя друг с другом. Адъективная лексика (лексика признаковой семантики), а именно: не только эпитеты (прилагательные, наречия с образным, переносным компонентом значения), но и аппозитивы (существительные), причастия, местоимения – наиболее репрезентативный тип лексики, на материале которого удалось проследить особенности идиолекта поэта. Адъективные слова неизменно являются центром высказывания, на них интонационно и логически обращает внимание автор, и они, как правило, выделены в тексте тем или иным способом: обособлением, курсивом, тире, имеют окказиональный смысл. Данный вывод говорит о востребованности изучения данного языкового участка идиостилевой системы в связи с другими особенностями языка поэта.

Библиографический список

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М.: Наука, 1978. 200 с.

Гаврилова В.И. Потенциальные грамматические формы имен существительных в поэмах М. Цветаевой // Res studiosa. 2007. Вып. 2. С. 44–48.

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

Губанов С.А. Лингвокогнитивные механизмы образования эпитетов [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №4 (31). С. 46–57. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1637/ (дата обращения: 31.07.2020).

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи Цветаевой (семантический аспект). Л.: Наука, 1987. 87 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Козакова А.А. Потенциальные и окказиональные грамматические формы (на материале идиолекта Цветаевой) // Филологический вестник. 2000. №3. С. 22–27.

Померанец И.Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2004. 175 с.

Тазиева Е.М. Окачествование относительных прилагательных в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 115 с.

Хованская З.И. Стилистика французского языка. М.: Высшая школа, 1984. 344 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-7.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М.Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Широлапова Н.Ю. Лексико-стилистические средства поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 217 с.

Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции «прилагательное+существительное»: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 400 с.